

ДУДОЧКА

В час грозóвый крики сгрудятся,
И опять все это сбудется:
Полетит вдоль неба дудочка,
В дали светлые маня.
И родимое-сердешное
Разменяем на нездешнее,
И поклонимся нездешнему,
Все родимое кляня...
И летит-играет дудочка
Над полями над широкими,
Над словами над зароками,
Выше горя, выше гор.
Все играет эта дудочка,
Будто бы дразня, о будущем,
А родное, миновавшее,
С губ соленый ветер стер.
А страна былая — вот она,
Серой ниткой туго смотана,
Край той нитки, край оборванный,
Ну, зачем он руки жжет?
...И порой смолкает дудочка,
И все шепчет слово бóльное,
И той нитки край оборванный
В слове бóльном бережет...

* * *

*И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков...*

Сергей Орлов

Они прозрели все! Ну, что ж...
Но как молчать, скажи:
Они затеяли дележ —
Не поля, не межи!

В шляхетском мороке поляк
Словес пускает пал —
И Млечные Пути пылят
Лишь там, где он ступал!

«Нет, эта пыль, — блажит румын, —
Лишь на моем следу!»
(Не та ли, что — с донских равнин,
В сорок втором году?).

А в двух шагах — глуха, слепа
И в памяти больной —
Братушек ли, братков толпа
Стоит, давясь слюной.

Братушка, да неужто рад
И ты урвать свой кус?
...А Млечные Пути пылят —
Где Сталинград и Курск.

Где все гремит последний бой,
Будя Европы стыд;
Где под звездой жестяной
Солдат советский спит...

ОКТЯБРЬСКИЕ РИФМЫ

Тени деревьев стоят, не лежат,
А вот деревьям — к земле бы прижаться...
Рифмы уже не в кружок ворожат —
Вместе словам помогают держаться.

Могут и пнуть те слова, и ругнуть, —
Если их жизнь поглядит, как чужая.
А по ночам холодят мою грудь,
Настежь раскрытую, — не выстужая...

* * *

Он и оплеван, и оплакан,
Как старой веры образа,
Но по плевкам — не надо лаком,
Не надо грязью — по слезам.

Все, что случилось, было — с нами,
Мы с этим жили и росли.
Октябрь — и слом, и гром, — и знамя,
Что до рейхстага донесли.

Пусть говорят: кумач тот выцвел,
Путь — сотней вьюг перемело.

Но время и «Авроры» выстрел
На жесткий диск перевело.

И пусть не лжет учебник школьный,
Что он забыл и день, и год.
Иначе тот, не барский, Смольный
Сам за себя сказать придет.

* * *

К чему гадать: а если бы... а мог ли я...
Ведь знают же, что нет судьбы другой,
Вот эти вот сухие травы леглые,
Что мнутся — и пружинят под ногой.

Стеклом речным обрезана излучина,
К воде свисает нитками корней.
Трава сухая ветром перекручена,
Но нужно, нужно мне пройти по ней!

К высоким дням — распахнутым, обрывистым,
Где жгут гортань шершавых слов комки,
И жженье то берется к людям вывести
Прощальное свечение реки.

* * *

Звала мамона — не пошел на выучку:
А с кем бы я оставил дома стыд?
И он теперь спешит ко мне на выручку,
Со мною вместе по ночам не спит.

«А что я — трус? Или сыночек маменькин?» —
Сопит упрямо. Дал же Бог сынка!
«Я понимаю, — говорит, — что маленький;
Я вырасту! Ты потерпи пока...»

УЧАСТЬ

Выпала не для потех,
А сладка она, горька ли...
Ты спроси про то у тех,
Что крутились флюгерками
Возле зарева знамен —
Где не раз мелькал знакомо
Охмутивший Рим Нерон
Из московского горкома.
Попытай об этом знать —
В сливки вышедшую пену.

Ну а мне — откуда знать,
Сладко ль пьется за измену?
И пьянит ли без вина
Мятый пряник за морями...
Доля у меня — одна,
А не — в ряд под фонарями.
Прогнала ли грусть-печаль,
Что шептала мне, краснея —
Да и что ей отвечал —
Важно ль? Я остался — с нею.

ПРЕДЗИМНЕЕ

Жар дальних встреч, прощаний горький ком...
И свет в окне, и неостывший дом...
А есть ли то, что держит сердце крепче?
Продутый берег... Может быть, о том
Шуга тревоге камышовой шепчет?

В преддверье стуж и на исходе дня,
Быть может, этот шепот — для меня?
И, сердце сжавший, лишь умом не понят?
И битый лед, толкаясь и клоня
Камыш — не только камышинку клонит...

Но, разглядев и в старике седом
Мои черты, камыш, клонимый льдом, —
У самой кромки немоты, у края, —
Шуге перечит, по слогам, с трудом
Порывистое слово подбирая...

* * *

Ждет не стезя, что в прах исхожена —
Гусиных стай крылатый путь.
И все добро в котомку сложено,
Осталось узел затянуть.

А есть еще талы. И старица.
Рассвет... Их некуда девать!
И половодье снова тянется
Сырые щеки целовать...

И так права синичья перезвень...
И утицей манок зовет...
И, с головой в зеленке, селезень
Свинцовый воздух грудью рвет!